

ДРАКОН УМЕР, ДРАКОН ЖИВ

Берлинский театр «Мануфактур» — на Таганке

«НЕСЧАСТНА страна, которая нуждается в героях!» — восклицал один из персонажей брехтовского «Галилео Галилея». Не менее несчастна страна, которой даже герои не в состоянии помочь, — так хочется воскликнуть после спектакля «Дракон», который Отто Цоншиц поставил по пьесе Евгения Шварца в берлинском театре «Мануфактур».

На гастроли в нашу страну авторы и участники спектакля ехали не без опаски: казалось бы, сегодня о драконах нам известно все или почти все. Но, как признался Отто Цоншиц, некоторые надежды на успех все же были: еще в разделенном на две части Берлине «Дракон» театра «Мануфактур» с особым энтузиазмом воспринимали граждане бывшей столицы ГДР.

«Дракон», заверченный Евгением Шварцем в самый разгар Великой Отечественной войны, всего лишь один год воспринимался как антифашистское, антигитлеровское произведение.

Цензура пропустила текст почти без исправлений, твердо уверенная в том, что трехглавый дракон, держащий в страхе город и пожирающий его дочерей, — это фашистская гидра, а Ланцелот, повергающий чудовище в прах, — доблестные силы демократии и прогресса. Не все было, правда, ясно с Бургомистром и его сыночком Генрихом, которые приписали себе все доблести Ланцелота и с драконовской жестокостью продолжали править городом, но, похоже, цензорам в 1943 году было не до мелких подробностей. Положение дел менялось стремительно: уже в 1944 году на пьесу Шварца накинудились со всех сторон, обвиняя автора в смертных грехах. Правда, даже самые яростные критики не решились усмотреть в драконе черты «отца всех народов» — эта нерешительность и спасла автору жизнь. А его антитоталитаристская пьеса, не имевшая счастливой судьбы в нашей стране, стала странство-

вать по свету, сражаясь, как ее герой — странствующий рыцарь Ланцелот, — с драконами и их отпрысками.

Отто Цоншиц и его товарищи по театру «Мануфактур» понимали, что им невольно придется выдерживать конкуренцию с воспоминаниями о великой постановке «Дракона» в Немецком театре, где эту пьесу в 1965 году поставил ученик Бертольта Брехта, замечательный швейцарский режиссер Бенио Бессон. Но авторы нынешней версии «Дракона» понимали, что эта пьеса способна изменяться вместе со временем. Думаю, что историки театра не станут сравнивать спектакли, разделенные четвертью века. В мои нынешние задачи также не входит распределение мест на театральном Олимпе. В любом случае театр «Мануфактур» предлагает оригинальную художественную версию этой пьесы: можно лишь посоветовать на то, что она по-прежнему актуальна.

Отто Цоншиц — вполне в традиции Брехта — отстраняет остро современное содержание. В героях спектакля трудно найти черты конкретных политических деятелей: все персонажи, кроме Ланцелота, разумеется, похожи на больших кукол традиционного люнского театра, Кожаные маски, лишая каждого артиста миимики, позволяют добиться почти фольклорного обобщения. Как герои сказки, они везде и навсегда. И каждый из них — в каждом из нас.

На самом же деле спектакль этот не про драконов и не про героев, хотя Ханс-Петер Маус (Ланцелот) и Отто Цоншиц (Дракон) наверняка останутся в памяти зрителей. Он про тех, кто готов повиноваться дракону и предавать забвению героев. Про тех, кто привык принимать любые условия игры и верить телевизионному диктору больше, чем себе самому. Кто готов громче всех кричать о некачественности власти, стремясь достичь власти починше драконовой. «Мы делали свой спектакль об оппортунизме. О готовности изменить самим себе в зависимости от политической конъюнктуры. Причем изменять самим себе самым беззастенчивым образом», — похоже, Отто Цоншиц вовсе не теоретизи-

рует, он опирается не только на исторический опыт. И поэтому образ жителей города становится наиважнейшим в спектакле театра «Мануфактур». Разумеется, нельзя не отметить обаятельную клоунаду Клауса Пэнкерса (Бургомистр) или романтическую страсть Констанце Ульмер (Эльза).

«Дракон» Евгения Шварца в постановке театра «Мануфактур» завершается зонгом, написанным Отто Цоншицом. Здесь нет места для подробного поэтического перевода, приведу лишь его смысл, который важен авторам спектакля: страшен не только дракон, но и драконово наследство, которое продолжает жить в наших умах и душах, и особенно когда мы разбились на множество партий и групп, воодушевленных ненавистью друг к другу. Поверьте, я не искажаю смысла того, что написал Отто Цоншиц, не приспособивая немецкий спектакль к нашей политической ситуации. Да и чего приспособлять — обо всем этом написал Евгений Шварц еще в 1943 году, почти за пятьдесят лет до того, как мы поняли, что дракон живет, пока мы не убьем его в нас самих.

М. ШВЫДСКОЙ.
Фото В. СОКОЛОВА.

